

КНИГА В.И. ЛЕНИНА "МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ" И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ В XX ВЕКЕ

Опубликована в кн.: **Русский марксизм**: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 291 – 302.

В.А. Бажанов (Ульяновск)

Столетие со дня выхода (в мае 1909 года) книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» предоставляет хороший повод попытаться осмыслить значение этой книги для философии XX века. Если в советское время эта книга считалась шедевром философской мысли, краеугольным камнем философского наследия В.И. Ленина и поэтому *par excellence* не допускала какой-либо критической оценки (рецензии, увидевшие свет после её публикации, тщательно скрывались и замалчивались), то после распада СССР, эта книга, как и бóльшая часть т.н. марксизма-ленинизма была благополучно забыта и лишь в период «перестройки» предпринимались достаточно непоследовательные попытки его критического анализа. Затем фактически всё, что относилось к марксизму и его наследию, было вытолкнуто на далёкую периферию исследовательского сознания не только в России, но и на просторах СНГ. Между тем западные учёные продолжали анализировать марксистское теоретическое наследие, включая, понятно, и труды В.И. Ульянова-Ленина.

Нынешний юбилей – удобный случай, чтобы не только вспомнить эту, прямо скажу, неординарную дату, но и, наконец, вернуться к предмету некогда слепого поклонения и постараться трезво и с рациональных позиций, с высоты сегодняшнего дня осмыслить причины и характер влияния книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» на философскую мысль XX века. Можно смело утверждать, что в силу ряда социально-политических условий и её содержательных моментов эта книга – одна из наиболее влиятельных книг, увидевших свет в XX столетии. *Влиятельных – прежде всего потому, что она была известна, изучалась, читалась и перечитывалась миллионами, десятками миллионов людей и воспринималась как выдающееся философское произведение*, а, стало быть, настраивала на вдумчивое и серьёзное отношение к философии и, если учитывать трактовку К. Маркса и Ф. Энгельса как великих мыслителей, а также другие труды В.И. Ленина, то волей или неволей прививало уважение общества к философской и гуманитарной мысли в целом. Уважение, которое, увы, во многом было утеряно в последнее десятилетие. А вместе с ним, замечу, утеряно и уважение к рационализму вообще. Это явная деградация интеллектуального потенциала общества, когда его "героями" становятся певички и шоу-мены, а не мыслители и инженеры.

Понятно, что знакомство с т.н. первоисточниками марксизма-ленинизма пытливым ум не могло удовлетворить полностью в том смысле, что нетрудно было заключить, что философия этими источниками вовсе не ограничивается, и надо изучать не только предшественников К. Маркса и В.И. Ленина, но и более поздних мыслителей, всё многообразие философских идей. В конечном счете, рефлексия над богатством философских и социально-политических идей и осознание убогости экономических реалий "развитого" социализма (теория предписывала одно, а практика свидетельствовала о противоположном) и привела к крушению коммунистического эксперимента, которое сопровождалось поистине тектоническими сдвигами на необъятных просторах Евразии в процессе которых перестал существовать и Советский Союз, основателем которого являлся В.И. Ленин.

Это, впрочем, вовсе не означает, что его концептуального наследие может быть предано забвению. Напротив. Идея *path dependence* (зависимость от предшествующего пути), столь популярная в современной политологии и экономической теории, давно известная в диалектической философии как идея преемственности в развитии, отчасти как

«снятие» у Гегеля, предполагает аналитику марксистско-ленинского наследия, которое, как ни крути и не отрицай, в неявном, имплицитном виде присутствует в теоретических конструкциях сегодняшнего дня. Одним из таких базисных элементов и является книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Моя задача – вовсе без претензий на сколько-нибудь исчерпывающий ответ затронуть те моменты этой книги, которые относятся к теоретико-познавательным аспектам этой книги и их развитию в последующие годы в разного рода философских направлениях, прежде всего в области философии науки. Ключевые вопросы, на мой взгляд, можно сформулировать так (хотя их круг легко расширить):

Каковы причины и основания влияния на философию XX века в целом и теорию познания в частности книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"? В чем оно *конкретно* состояло? Определялось ли это влияние политическими мотивами и/или содержательными соображениями? Какими соображениями?

Какие направления философско-методологической мысли испытали наибольшее влияние книги?

Что можно считать устаревшим в книге и что сохраняет свою актуальность?

Можно ли по-прежнему, как и в советское время, отождествлять теорию познания и теорию отражения? Что из себя представляют неотражательные операции познавательного процесса, о которых принято рассуждать в сфере истолкования познания сейчас? Противоречат ли друг другу традиционное и нетрадиционное истолкование отношения субъекта и объекта? Какова природа активности субъекта познания и нашла ли она адекватное отражение в книге В.И. Ленина?

Какие гносеологические идеи книги «работали» в философии и гносеологии XX века?

Удалось ли автору книги предложить эффективную методологию анализа естествознания, которая использовалась в прошлом столетии и, если да, то каким образом и в каких областях естественных наук? В чем были особенности её применения в области социально-гуманитарного знания? В чем недостатки такого рода методологии с позиций сегодняшнего дня?

Понятно, что я смогу коснуться лишь небольшой части указанных вопросов.

Смысл книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» нельзя понять если: не учитывать 1) философскую фундированность марксизма, заложенную его создателями и связанную с проблемами отчуждения человека, истолкованием развития общества как естественноисторического процесса, представлениями о предыстории и собственно истории человечества, - проблемами и представлениями, которые имели непосредственные политико-экономические аспекты и следствия и 2) конкретные условия написания книги (период поражения первой русской революции) и очевидные *политические* цели её автора. Четко следуя традиции марксизма, В.И. Ленин не мог игнорировать «модернизацию» и, стало быть, неизбежные искажения философских оснований (ортодоксального) марксизма, которые вытекали из платформы эмпириокритицизма, развиваемого видными социал-демократами и захватывавшего в России всё более широкие слои людей, размышляющих о будущем пути развития страны и наслышанных о разворачивающейся революции в естествознании, одним из предтеч которой выступали труды Э. Маха.

В.И. Ленин в своей книге стремился восстановить аутентичное прочтение марксизма, что означало беспрекословное признание необходимости революционного слома государственной машины, а не ревизионистский по своей сути (как полагал Ленин) процесс эволюционных преобразований, который отстаивался сторонниками западноевропейской социал-демократии (видным представителем которой и являлся Э. Мах) и их российскими последователями. Единственное смещение относительно «автохтонной» позиции классиков марксизма, которое допускал Ленин, состояло в перенесении акцента с материализма на диалектику, т.е. фокус внимания переносился с

диалектического *материализма* на *диалектический* материализм. Становление и развитие эмпириокритицизма было тесно связано с кризисом и последующей революцией в естествознании (прежде всего в физике) и поэтому проблемы диалектики познания получали в данном случае политическое звучание. Понятно почему архитектоника «Материализма и эмпириокритицизма» включает активную (а порой просто яростную) политическую полемику, перемежаемую философскими отступлениями (главным образом из области теории познания), которые на самом же деле носят подчиненный характер по отношению к политическим в конечном счете целям данной работы. Именно по этой причине Ленин усиленно цитирует разных авторов, предпочитая скорее не аналитический, а дескриптивно-оценочный стиль изложения (*восстановление* истинного положения дел в марксизме), он использует, так сказать, ненормативную для настоящего философского произведения лексику типа «кривляка» (по отношению к Авенариусу), «урядник» (по отношению к Г. Корнелиусу) или «философские Меньшиковы», которого Ленин называл «сторожевым псом царской чёрной сотни» (по отношению к имманентам). Короче говоря, Ленин писал не философский, а политический текст. Так он преимущественно и воспринимался вне пределов советского государства теми, кто разделял левые взгляды.

Есть все основания считать, что В.И. Ленин считал свою книгу не вполне зрелой работой в том смысле, что критика эмпириокритицизма им велась преимущественно с позиций созерцательного материализма. Когда В.И. Ленин основательнее познакомился с диалектикой Гегеля, он естественным образом должен был переоценить свой подход. В.К. Брушлинский как-то обратил внимание на то замечание в «Философских тетрадах», в котором В.И. Ленин оценивает характер критики марксистов своих концептуальных оппонентов: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»¹.

Левые идеи, как известно, будоражили умы (обычно в молодые годы) многих известных мыслителей, круто впоследствии менявших свои политические воззрения. Одним из таких мыслителей был К. Поппер, выдающийся философ XX века, который обычно считается родоначальником постпозитивизма. К. Поппер явился непримиримым и энергичным критиком марксизма. Достаточно вспомнить его произведения «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма». Однако мало кто знает, что в 1919 году совсем молодой К. Поппер вместе с одним венгерским коллегой, хорошо знавшим русский язык, переводил «Материализм и эмпириокритицизм» на немецкий язык. И К. Поппер, и другие постпозитивисты (особенно И. Лакатос и П. Фейерабенд) считали Ленина одним из предтеч фаллибилизма благодаря его интерпретации в «Материализме и эмпириокритицизме» идей П. Дюгема, к которому вождь мирового пролетариата явно благоволил в силу взглядов последнего на развитие физических теорий с точки зрения познания истины, хотя и порицал за идейные «шатания». Гегель и особенно В.И. Ленин – концептуальные источники современного фаллибилизма, предложенного и развитого К. Поппером в весьма жёсткой форме (полагаю, что это мнение, на мой взгляд, упрощает реальную картину). И. Лакатос, ученик К. Поппера и выдающийся философ науки, развивал фаллибилизм в еще более жёсткой форме, - в форме, близкой по духу к ленинской трактовке соотношения объективной, абсолютной и относительной истины. Точка зрения фаллибилизма (в виде идей приближения к истине) у И. Лакатоса уже неявно присутствует в его работах венгерского, а не только английского периода, когда он собственно и переосмысливал концепцию К. Поппера. Если К. Поппер фактически ограничивал фаллибилизм сферой нематематического знания, то И. Лакатос решительно распространял его и на область логико-математического знания.

Еще в своих ранних работах (венгерского периода творчества) И. Лакатоса рассуждает, упоминая иногда В.И. Ленина, о возможности бесконечного приближения разума к объективной реальности, её неисчерпаемости, о достижениях физики, связанных

¹ Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т.29. С. 161

с признанием принципа историзма, об его ассимиляции в естественных науках в целом и т.п.

Более того, есть все основания утверждать, что ключевое понятие методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса – понятие «жесткого ядра» заимствовано из работы В.И. Ленина «Что делать?», в которой пишется о сплоченном ядре (революционеров-профессионалов и самой партийной организации)².

На Западе В.И. Ленина считают одним из наиболее влиятельных мыслителей XX столетия хотя бы потому, что его идеи впитывались громадными массами людей, а многие люди в условиях тоталитарных режимов XX века знакомились с классической философией не по первоисточникам, а по трудам В.И. Ленина. Тот же самый И. Лакатос обычно тщательно скрывал источники своих воззрений (хотя в принципиальных случаях указывал их явно и недвусмысленно, цитируя и Ф. Энгельса, и В.И. Ленина), но почти наверняка диалектический метод осваивал не по оригинальным гегелевским произведениям, а по трудам В.И. Ленина и затем на семинаре крупного венгерского марксиста Д. Лукача³. Диалектическая по своей сути методология И. Лакатоса в области философии математики (и философии науки в целом) включает марксистскую методологию (диалектическую по своему духу) в качестве базисного элемента. В какой-то степени аналогичная характеристика будет справедлива и по отношению к П. Фейерабенду, поскольку он испытал глубокое влияние со стороны Б. Брехта (комбинация элементов анархии и неуважения к «респектабельности»), а австрийского марксиста В. Холличера вообще открыто называл своим учителем.

Таким образом, можно заключить, что марксизм оказал определенное влияние на позитивизм и особенно ощутимым оно было в случае Поппера (имея в виду его фаллибилизм) и особенно И. Лакатоса, диалектические основания творчества которого позволяют назвать его своего рода троянским конем по отношению не только позитивизму в целом, но и всей англо-американской философии – если особенно учесть его заслуги в распространении на Западе исторического метода в области философии и методологии науки. Если К. Поппер начисто отвергал принцип историзма, – один из центральных принципов диалектики, то его ученик И. Лакатос возражал таким образом, что «нищета историцизма (в терминологии К. Поппера – В.Б.) лучше, чем полное отсутствие оногo»⁴.

На рубеже XX и XXI века в России была разработана *эпистемологическая* концепция, которая в полной мере реализует деятельностный подход, естественным образом приложимый и к философии науки. Она энергично разрабатывалась И.С. Алексеевым, В.А. Лекторским, М.А. Розовым, Г.П. Щедровицким. В этой концепции кардинально пересматривается понимание познания как отражения; «отражение» здесь означает описание деятельности⁵. Если использовать метафору «книги природы», то человек в процессе познания не просто её читает (и тем самым раскрывает тайны природы), а активно пишет в соавторстве с природой⁶. Такой вывод позволяет по-новому взглянуть на классическую, корреспондентскую теорию истины и найти аргумент в пользу ее справедливости: под реальностью, с которой сопоставляется полученное знание, следует понимать саму человеческую деятельность. «Мы сопоставляем наши знания с тем, что сами создаем», – пишет М.А. Розов⁷. Содержание знаний черпается не из чувственного восприятия, а из деятельности; именно деятельность выделяет из общего фона некоторые наборы свойств и связей, которые связывает в целостную картину.

² Подробнее см.: Бажанов В.А. Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии, 2008, № 9. С. 147 – 157.

³ См.: Там же.

⁴ Цит. по: Motterlini M. Reconstructing Lakatos: A Reassessment of Lakatos' Epistemological Project in the Light of Lakatos Archive // Studies in History and Philosophy of Science, 2002, vol. 33. P. 502.

⁵ Розов М.А. Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. С. 107.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Там же. С. 51.

Именно поэтому можно утверждать теоретическую нагруженность факта, а определенная интерпретация наблюдения предшествует моменту непосредственного наблюдения.

Таким образом, познание – это улица с «двусторонним движением», которое регулируется и субъектом, и объектом, и допустимые траектории движения определяются как (явными или неявными) установками субъекта, так и онтологией самого объекта.

Аналогичные утверждения характерны для такого весьма свежего философского направления (в рамках конструктивизма), которое осмысливает данные когнитивных наук, как энактивизм.

Энактивизм настаивает, что субъект не строит репрезентации, т.е. не «отражает» в буквальном смысле мир; он автономен, а потому строит и перестраивает имманентные ему схемы деятельности и тем самым конструирует свой мир, конструируя самого себя. Стратегия субъекта по отношению к миру избирательна, он извлекает из него смыслы и активно порождает их, создавая некоторого рода (природную в случае животного и когнитивную в случае человека) нишу. Смыслы вовлечены в творение мира, который подстраивается под субъекта в соответствие с его целями и желаниями. Мир, внешняя среда оказывается продолжением самих субъектов, а потому когнитивные системы здесь операционально и конструктивно самозамкнуты, автопоэтичны. Познание – это созидание, порождение мира, который является не ареной действия, а своего рода «достройкой» самого субъекта вне своего тела до более или менее удовлетворяющей его конструкции⁸.

В последние десятилетия диалектические идеи неожиданным образом переосмысливаются в области неклассических (альтернативных) логик. Я имею в виду, прежде всего, паранепротиворечивую логику, которая развивается весьма интенсивно и уже вполне отчетливо обозначились различные направления, которые лежат в основании ряда научных сообществ (школ) по-разному интерпретирующих идею паранепротиворечивости и предлагающих различные методологии её реализации.

С некоторой степенью условности можно говорить о по меньшей мере трех достаточно представительных школах в области паранепротиворечивой логики – австралийской, бельгийской и бразильской (другие школы, например, польская, пожалуй, менее выражены и влиятельны). Особенно оригинальна методология, основанная на диалектических представлениях, предлагается австралийской школой.

Р. Роугли-Сильван (1935 - 1996) и Г. Прист, явившиеся основателями влиятельной австралийской школы паранепротиворечивости, в 1981 г. предложили и развили идеологию, специально ими названную термином *dialetheism*, состоящую в признании существования противоречия A и $\neg A$, где A и $\neg A$ являются истинными (*dialetheia*). Здесь имеются в виду не все противоречия, о которых принято рассуждать в классической версии диалектики, а только некоторые; поэтому различие между истинностью и ложностью, вообще говоря, не стирается. Термин *dialetheism* выбран неслучайно, поскольку должен напоминать о *диалектике (dialectic)*, толерантной к противоречию, но при этом сама эта идеология не вполне тождественна традиционной диалектике (скажем, в её гегелевской и/или марксистской форме).

Концепция *dialetheism*'а за рубежом представлена достаточно обстоятельно⁹, а в русскоязычной литературе пока даже отсутствует соответствующий термин для её обозначения. Для понятий *dialetheism* и *dialetheia* в качестве русских аналогов я предлагаю термины «далетика (далетизм)» и «далеты», а сторонники *dialetheism*'а могут быть названы «далетиками». Эти термины хотя и не вполне привычны, но сохраняют свой

⁸ Подробнее см.: Князева Е.Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология. Перспективы развития. М., 2012. С.350 – 351.

⁹ См., например: Priest G. In *Contradiction: A Study of the Transconsistent*. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1987; *The Law of Non-Contradiction. New Philosophical Essays*/ Eds. Priest G., Beall J.C., Armour-Garb B. Oxford: Oxford University Press, 2004; Ficara E. *Dialectic and Dialetheism* // *History and Philosophy of Logic*, 2013, vol. 34, №1. P. 35-52.

смысл как неологизмы, созвучны с известными понятиями диалектики (что предполагается далетизмом) и, обладая статусом «метафор ракурса»¹⁰, легко воспринимаются как все-таки отличные от понятий традиционной диалектики (и диалектиков).

Поскольку Гегель считал, что «нечто жизненно пока оно противоречиво», то диалектики склонны считать Гегеля и сторонников его «тривиалистами», т.е. уверенными в том, что все противоречия истинны в силу их объективности, тогда как диалектики таковыми считают противоречия, которые соответствуют парадоксам самореференции, описания движения, определенным ситуациям в праве, переходным состояниям и т.д. Между тем далетики склонны считать единство противоположностей не случайным фактором, а выражением их целостности и имманентной взаимной обусловленности. На формальном уровне это обстоятельство воспроизводится в виде понимания конъюнкции в интенциональном духе, когда из $A \& B$ следует только A , или только B .

Существуют версии метафизической и семантической диалектики (Э. Марес). Первые (представленные, например, Г. Пристом в своих ранних работах) признают объективное существование противоречий (в вещах), а вторые (представленные, например, С. Сомсом) убеждены, что противоречия обусловлены несоразмерностью языка описания некоторой реальности и самой реальностью, и выражаются исключительно в виде лингвистических конструкций.

Противоречивые формальные модели могут рассматриваться как удобные инструменты в описании совокупности противоречивых ситуаций без наделения этих ситуаций онтологическим статусом, модусом объективного существования. В этом случае принято говорить о *слабой* паранепротиворечивости. Если же эти ситуации считаются объективными, то имеют в виду *сильную* паранепротиворечивость. Далетики, вообще говоря, являются именно её сторонниками. Классическую логику они рассматривают не как альтернативу, а предельный, частный случай паранепротиворечивой, хотя в ней по сравнению с классикой и налагаются ограничения на процедуры выводимости.

Поскольку метафизическая версия далетики предполагает, что наличие противоречий на концептуальном уровне должно свидетельствовать о существовании противоречий в реальности (своего рода объективная диалектика, которая, по мысли В.И. Ленина, должна отражаться в субъективной диалектике), то её можно отнести к одной из версий «реализма», преломленного к логико-математическому знанию¹¹.

Марксистская методология по-прежнему достаточно широко осмысливается за рубежом - особенно в случае ее применения к интерпретации развития научного познания¹², а на крупнейших Международных конгрессах по истории науки работают соответствующие секции. Так, на конгрессе 2009 года в Будапеште в этой секции были представлены, в частности, доклады о влиянии марксистских идей на датских физиков и о дискуссии Л. Розенфельда, который симпатизировал марксизму, с Н. Бором¹³, об эвристической роли марксизма, который разделялся Ш. Саката (1919 – 1970) при выдвижении его учениками (М. Кобаяши и Т. Маскава, ставшими Нобелевскими лауреатами) идеи кварков¹⁴. Аналогичная секция представлена и на очередном Международном конгрессе по истории науки (Манчестер, 2013)¹⁵.

¹⁰ О понятии «метафора ракурса» см.: Бажанов В.А., Панкратова О.А. О роли метафоры ракурса в генерации инноваций в социально-гуманитарной области // Ценности и смыслы, 2012, №2. С. 110 – 126.

¹¹ Balaguer M. Realism and Anti-Realism in Mathematics // Handbook of the Philosophy of Science. Philosophy of Mathematics. /Ed. Irvine A.D. Elsevier B.V., 2009.

¹² См.: Sheehan H. Marxism and Science Studies: A Sweep through the Decades // International Studies in the Philosophy of Science, 2007, vol. 21, №. 2. P. 197–210.

¹³ Molenaar L. Marx's Appeal to Dutch Scientists // XXIII International Congress of History of Science and Technology. Budapest, 2009. P. 183; Jacobsen A.S. Foundations of Quantum Theory and Marxism: Rosenfeld vs. Bohr. Ibid.

¹⁴ Yamazaki M. Marxism as a Useful Tool: Japanese Particle Physicists. Ibid. P. 187

¹⁵ См.: <http://www.ichstm2013.com>

В наши дни марксистские идеи (в том числе в интерпретации В.И. Ленина) продолжают привлекать и совсем немарксистов (не говоря о марксистах, которые не столь уж, как мы видим, редки на Западе), например, такого модного мыслителя как Славой Жижек или последователи экстернализма (социальной истории науки) в области философии и методологии науки. Это объяснимо и понятно: если политическая составляющая марксизма-ленинизма уступила в состязании с либеральной идеей, то философская, восходя к великим предшественникам, развивавших диалектический дискурс, не потеряла своего значения как один из возможных способов рассуждения и анализа, а, значит, мысленного расчленения и упорядочения мира, открытого для обогащения, переосмысления и нового концептуального синтеза с различными течениями современной мысли.
